

Ланина А.Н.
Одеський національний
університет імені І.І.Мечникова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЗООСЕМИЗМОМ *ОБЕЗЬЯНА* В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Характерной чертой фразеологизмов как знаков вторичной номинации является их образно-ситуативная мотивированность, непосредственно связанная с мировидением народа, с его культурой. Вся система образов, закреплённых во фразеологическом составе каждого конкретного языка, служит своего рода “нишей” для восприятия и отображения мировоззрения народа. Появление метафорического переносного значения слов-компонентов ФЕ не зависит от возникновения новых предметов или понятий, оно связано со “способностью любого носителя языка индивидуально реагировать на окружающий мир и использовать имеющиеся у него средства выражения для передачи своих субъективных ощущений, которые могут стать достоянием всего языкового коллектива” [1, 17].

В свою очередь, если фразеологизм обладает культурно-национальной спецификой, то она должна иметь своё средство воплощения в его знаковой организации и свой способ указания на эту специфику. В. Н. Телия видит таким средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологизмов их “образное основание, а способом указания на эту специфику – интерпретацию образного основания в знаковом культурно-национальном “пространстве” данного языкового сообщества” [18, 215].

Весьма трудным моментом при соприкосновении различных культур является коннотативная зона любого языка. Не являясь лингвистом или этнографом, можно просто не осознавать её существования и ограничиваться знанием лишь основных (“предметных”) значений слов или переносить привычные коннотации своего родного языка, считая их универсальными, на другой язык, что зачастую и является основной причиной многих недоразумений в процессе межкультурной коммуникации. Особенно ярко это проявляется во фразеологии, в том числе в корпусе ФЕ с зоосемизмами. Дело в том, что почти каждое наименование животного, помимо основного номинативного значения, имеет переносное, которое ложится в основу вторичной номинации, в основу метафорического переноса. Однако переносные значения наименований животных часто не совпадают в разных языках, характеризуют людей по совершенно различным, иногда прямо противоположным признакам. Особенно показательны в этом отношении фразеологизмы с зоосемизмом *обезьяна* в русском и немецком языках, исследование которых является целью нашей работы.

В современном русском языке образ *обезьяны* положен в основу трёх главных и практически единственных переносных значений, на основании которых и формируется стереотипный образ, актуализирующийся при использовании анимального компонента для зооморфной характеристики человека. Фактический материал показывает, что все исследуемые ФЕ с зоосемизмом *обезьяна* в русском языке можно условно разделить на следующие группы:

1) фразеологизмы с отрицательной оценкой лица, характеризующей внешний вид человека: *обезьяна*, что означает ‘очень некрасивый человек’ [15 (2, 527)]; *кто-либо настоящая обезьяна* в значении ‘урод’ [11, 35]; *как обезьяна* [12, 286]; *уродлив (страшен) как обезьяна* [12, 287]; *вид (внешность) у кого как у обезьяны* [12, 287];

2) ФЕ, дающие отрицательную оценку поведению человека, который подражает другим, передразнивает других [15 (2, 527)]; [6 (2, 578)]; *кто-либо (обычно дети)*

кривляються [гримасничают] как обезьяны [11, 70]; гримасничать (корчить гримасы, кривляться, корчить рожу) как обезьяна [12, 286]; подражать кому (дразнить кого, передразнивать кого) как обезьяна [12, 287];

3) ФО, отражающие скорость и ловкость человека в поведении: кто-либо ловкий как обезьяна [11, 43]; [12, 287]; подвижный как обезьяна [12, 287].

Рассмотрим, с чем ассоциируется образ обезьяны в сознании немцев. Слово обезьяна в немецком языке служит для метафорического обозначения глупого и тупого человека: *jmdn. zum Affen halten* [держат кого-то за обезьяну] в значении 'считать кого-либо дураком' [10 (7, 2701)]; *ein dämlicher Affe* [глуповатая обезьяна] Разг. фам. в значении 'идиот, дурак' [2, 24]; [5, 18].

В русском языке эти свойства (тупость и глупость) прочно связаны с образом барана и, как правило, не приписываются обезьяне. Ср.: *баранья башка* в значении 'дурак' [6 (1, 48)]; *как баран на новые ворота* в значении 'недоумённо, тупо, не понимая, не соображая ничего; растерянно, глуповато (установился, смотрит)' [18, 33]; [15 (1, 61)]; *нашему барану ни в чём нет талану* [6 (1, 47)].

Пытаться научить чему-то человека, сравниваемого с обезьяной, оказывается неблагоприятным и бесполезным занятием. Ещё В. Даль писал: *из хорошей обезьяны не сделаешь и плохого человека* [6 (2, 578)]. А тем более, если речь идёт о старой обезьяне, которая уже давно не обладает той сноровкой, какой обладают молодые: *einen alten Affen (etwas) lehren* [учить (чему-либо) старую обезьяну] в значении 'делать что-то бесполезное' [14, 72].

Немцы называют обезьяной также тщеславного, самовлюблённого, манерного человека, франта, щёголя. Он часто одет по последней моде, придаёт большое значение своему гардеробу, хотя и не всегда отличается безупречным вкусом: *ein eingebildeter Affe* [много о себе воображающая обезьяна] Разг. фам. 'зазнайка' [2, 24] [4, 48]; [5, 18]; [10 (1, 140)]; *ein eitler Affe* [самовлюблённая обезьяна] Разг. фам. 'пижон' [2, 24]; [4, 48]; [5, 18]; [10 (1, 140)]; [*dastehen*] *wie ein lackierter Affe* [стоять] как лакированная обезьяна] Разг. презр., то есть 'стоять как выряженное пугало' [2, 24]; *ein Modeaffe sein* [быть модной обезьяной] 'всегда следовать последней моде, придавать чрезмерное значение своей одежде' [14, 74]. Это значение встречается в русском языке лишь в "Словаре языка Пушкина", где образ обезьяны служит для характеристики антихриста и дьявола, а также презрительно манерного щёголя, ловеласа [16, 14-15].

Любопытно, что ни один из исследуемых нами фразеологизмов в немецком языке не отражает одного из главных значений, приписываемого русскими этому животному – 'подражать, гримасничать'. В первую очередь, немцы обращают внимание на само поведение обезьяны, которая большую часть времени пребывает в весёлом, резвом и немного буйном состоянии. Человеку несвойственна такая гибкость тела и координация движений, поэтому он всегда с удивлением наблюдает за обычным образом жизни обезьяны, её резкими прыжками и странными ужимками. С точки зрения немецкого народа, обезьяна не просто двигается, она "танцует" и играет на публику: *etwas ist ein [wahrer] Affentanz* [что-либо является [настоящим] обезьяньим танцем] в значении 'безумное поведение; демонстрируется бурное проявление радости' [14, 73]; [10 (1, 141)]; *ein Affentheater [Affenkomödie] aufführen* [играть обезьянью комедию], что означает 'демонстрировать неестественное, преувеличенное поведение' [14, 73]; [10 (1, 141)]; *sich benehmen wie ein wild gewordener Affe* [вести себя как взбешённая обезьяна] Разг. неодобр., означает 'бесноваться, безумствовать' [2, 24]; [4, 48].

По наблюдениям немцев, укус обезьяны опасен, так как она может “заразить” своим бешенством, отчего человек начинает вести себя в соответствии с её поведением: *wie vom wilden Affen gebissen* [словно укушен дикой обезьяной] Фам. ‘Не в себе, сумасшедший’ [10 (7, 270)]; [2, 25]; [5, 18].

Анализируемые фразеологизмы дают нам право предположить, что зоосемизм *обезьяна* играет особую роль в немецкой культуре, которой нет аналогов в русской. Обезьяна для немцев – это символ проявления каких-то скрытых желаний и страстей человека, зачастую даже его недостатков. Она ассоциируется у них с разгулом, удовольствиями, вольным поведением и полной свободой человека: *den Affen loslassen* [выпустить обезьяну] в значении ‘быть весёлым; провести день в своё удовольствие’ [14, 69]. Очень часто такое “выпускание обезьяны” – следствие безмерного употребления спиртных напитков, что достаточно чётко отражено во фразеологических оборотах немецкого языка: *einen Affen [sitzen] haben* [иметь [сидящую] обезьяну] в значении ‘быть пьяным’ [9 (11, 29)]; [2, 24]; [4, 48]; [5, 18]; [10 (1, 140)]; *mit einem Affen [nach Hause kommen]* [с обезьяной [домой приходит] в значении ‘приходить выпившим’ [2, 25]; [5, 18]; *sich (D) einen Affen kaufen* [купить себе обезьяну] Разг. фам. ‘[пойти и] напиться’ [2, 24]; [4, 48]; [10 (1, 140)].

В “Этимологическом словаре немецкого языка” находим другое объяснение этим ФЕ: в жаргоне солдат словом *обезьяна* называют военный ранец (большей частью солдатский) – *der Tornister*. Такая ассоциация связана с обезьяной, которая ранее постоянно сидела на плече путешествующих владельцев балагана. “Возможно, от этого и исходит употребление слова [обезьяна] в значении “опьянение”: пьяный воображает, что у него на плече сидит обезьяна” [8 (7, 23)].

Количественный состав ФЕ с зоосемизмом *обезьяна* в немецком языке значительно больше соответствующего корпуса русских ФЕ с этим же опорным компонентом. Вероятно, исторически это связано с фокусниками, странствующими ранее по Германии. Обезьяны зачастую помогали им в выполнении фокусов, чем доставляли острое удовольствие толпам зевак. Знакомство немцев с этим животным происходило также “благодаря кочующим торговцам, которые приносили его с собой с юга” [8 (7, 23)]. В. П. Даркевич пишет: “Для европейских жителей обезьяна была удивительным животным экзотических стран, одним из гротескных созданий Бога. Их покупали втридорога и содержали в зажиточных домах и даже в жилищах священников...” [5: 44]. В словаре В. Даля находим: *хитёр немец: обезьяну выдумал!* ‘говорит народ о заезжих гаерах с обезьянами’ [6 (2, 578)].

Известно также, что обезьяны имеют на своём волосяном покрове не блох, как большинство животных, а вшей, и одним из их самых любимых и частотных занятий можно назвать постоянный поиск этих насекомых друг у друга. Обезьяны занимались этим и во время представлений: они “приставали к отдельным зрителям и под общие насмешки искали у них мнимых вшей” [10 (1, 140)], что отражено в следующем немецком фразеологизме: *[ich denke,] mich laust <kratzt> der Affe!* [я думаю] обезьяна ищет у меня вшей] Фам. ‘это меня очень удивляет’ [10 (1, 140)]; [2, 24]; [4, 48]; [5, 17]. Нередко после выступления обезьяна выполняла работу сборщика денег (собирая деньги в шляпу). Собранные деньги она приносила хозяину, ничего себе не оставляя. Ср.: *mit Affenmünze bezahlen* [платить обезьяньей монетой], что означает ‘не платить’ [14, 73].

Как известно, обезьяны могут жить лишь в тропических лесах, где для них есть пища круглый год. Данный фактор не остался незамеченным со стороны носителей немецкого языка. Он нашёл отражение во ФО: *hier herrscht eine Affenhitze* [здесь господствует

обезьянья жара] в значении 'очень сильная жара' [14, 74]; [10 (1, 141)]; *schwitzen wie ein Affe* [потеть как обезьяна] Фам. в значении 'обливаться потом' [4, 48].

Результаты проделанной сравнительно-сопоставительной характеристики фразеологизмов с зоосемизмом *обезьяна* в русском и немецком языках свидетельствуют о национальной специфике русской и немецкой фразеологии. В немецком языке корпус ФЕ с зоокомпонентом *обезьяна* широк и семантически многообразен. В русском языке количественный состав фразеологизмов с зоосемизмом *обезьяна* значительно меньше. Это объясняется экстралингвистическими факторами. Для немцев *обезьяна* издавна привычное животное, для русских – редкое, экзотическое.

Каждый язык – особый мир. Это не просто некий случайный набор знаков, он выражает мировидение говорящего на нём народа. И, будучи зачастую очень похожими внешне, проживая на одной планете и ведя сходный образ жизни, все народы смотрят на мир разными глазами и выражают свои впечатления о нём в разных словах и выражениях. “Таким образом, каждой из великих культур присущ тайный язык мирочувствования, вполне понятный лишь тому, чья душа принадлежит этой культуре” [19 (1, 342)].

Культура есть сотворённый человеческим воображением образ природы, выраженный в определённых в каждом случае словах-знаках. Вот почему, по словам Э.А. Позднякова, взгляды на природу постоянно меняются, “как в горизонтальной плоскости – от народа к народу (или от культуры к культуре), так и в плоскости вертикальной – во времени” [13, 215]. Об этом ярко свидетельствует национальная фразеология. В том числе и проанализированные нами фразеологизмы с зоолексемой *обезьяна* в русском и немецком языках.

Использованная литература:

1. Багаутдинова Г.А. Фразеологическое кодирование психических процессов и свойств личности // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1970.
2. Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь / Под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1975.
3. Большой немецко-русский словарь: В 2-х т. / Сост. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева и др.; Под рук. О.И. Москальской. – 2-е изд., стереотип. – Т.1. – М., 1980.
4. Большой немецко-русский словарь. – 7-е изд., стереотип. – М., 2000.
5. Wolf Friedrich. Moderne deutsche Idiomatik. Alphabetisches Wörterbuch mit Definitionen und Beispielen. – Max Hueber Verlag, 2001.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М., 1989.
7. Даркевич В.П. Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX – XVI вв. / АН СССР, Ин-т археологии. – М., 1988.
8. Duden. Das Standardwerk zur deutschen Sprache in 12 Bänden. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. – Bd. 7 – Dudenverlag. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich, 1996.
9. Duden. Das Standardwerk zur deutschen Sprache in 12 Bänden. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. – Bd. 11. – 2. Aufl. – Dudenverlag. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich, 1998.
10. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bänden. – Bd. 1. – Dudenverlag. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich, 1999.
11. Козлова Т.В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. – М., 2001.
12. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. – СПб., 2003. – 608с.
13. Поздняков Э.А. Философия культуры: Для всех и ни для кого в доступном изложении / Э.А. Поздняков – М., 1999.
14. Röhrich Lutz. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten in 4 Bänden. – Bd. 1. – Herder – Freiburg – Basel – Wien, 1991.
15. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой; АН СССР, Ин-т рус. яз. – Т.2. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1982.
16. Словарь языка Пушкина: В 4-х т. / Под ред. В. В. Виноградова; АН СССР, Ин-т рус. яз. – Т.3. – М., 1959.
17. Теля В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический

- аспекты. – М, 1996. – 288 с.
18. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. Изд. 3-е, стереот. – М., 1978.
19. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – Т. 1. – М., 1998.

*Ляшук А.М.
Кіровоградський державний
педагогічний університет
імені Володимира Винниченка*

СИСТЕМНІ ВІДНОШЕННЯ ЛЕКСИКИ НА ПОЗНАЧЕННЯ ПОНЯТЬ ПРАВА В АНГЛІЙСЬКІЙ ТА УКРАЇНСЬКІЙ МОВАХ

Для сучасного термінознавства актуальним є осмислення системних відношень, що спостерігаються між словами певної системи. З'ясування особливостей системної організації наукових термінологій, семантичних відношень між їх елементами відкриває можливість більш глибокого пізнання мови і має вирішальну роль при встановленні принципів семантичного розвитку терміносистем загалом та юридичної зокрема. Системність пронизує мову на всіх її рівнях, але особливу увагу лінгвістів привертає аналіз системних відношень галузевих термінів на лексичному рівні, що відбито у роботах таких дослідників, як В. Л. Іщенко, Н. К. Ктитарова, З. Б. Куделько, Т. В. Лепеха, Т. В. Михайлова, Т. Г. Соколовська, Л. В. Ярова та ін..

Проблеми та перспективи розвитку сучасної української юридичної термінології розробляються в багатьох дослідженнях (див.: Н. В. Артикуца, Є. В. Неженець, Г. О. Онуфрієнко, Ю. Ф. Прадід та ін.). Проте у сучасному термінознавстві й дотепер не вироблено принципів комплексного аналізу семантичних відношень юридичних термінів як реєстрових словникових одиниць української та англійської мов, а також зіставного аналізу семантичних структур юридичних термінів у цих мовах. Саме таке дослідження надає можливість встановити спільне й відмінне у способах маніфестації семантики юридичних понять у найбільш повних тлумачних словниках української та англійської мов у співвідношенні з фрагментами об'єктивної дійсності та з'ясувати суттєві відмінності у репрезентації понять права носіями досліджуваних мов.

У пропонованій роботі дослідження юридичних термінів як системи реєстрових словникових одиниць спирається на компонентний аналіз, польовий метод та опозиційні відношення. Зазначений підхід допоможе виявити специфіку внутрішньої організації досліджуваних одиниць, а також витлумачити семантичну інформацію термінів.

Метою пропонованої розвідки є виявлення на семантичному рівні характеру системних відношень юридичних термінів як реєстрових словникових одиниць в українській та англійській мовах. Зазначена мета вимагає розв'язання наступного завдання: встановити і проаналізувати спільні та відмінні характеристики системних відношень юридичних термінів у досліджуваних мовах у співвідношенні з реаліями об'єктивної дійсності.

Об'єктом аналізу є семантична організація мовного фрагмента певної сфери об'єктивної дійсності, що становить сукупність реалій юриспруденції, які маніфестуються у мові системою мовних знаків на позначення понять цієї сфери. Основною одиницею роботи є сема, яка виступає елементом побудови семантичної структури терміна.